

ли у Европы на Востоке, было если не вполне, то хоть до некоторой степени возмещено падением владычества мавров в Испании. Открытие и колонизация Америки открыли перед человечеством новые неизмеримые перспективы; являлись надежды на новую жизнь и счастье по ту сторону океана, а открытие морского пути в Индию отняло у старых торговых путей Средиземного моря их исключительное значение: обстоятельство, повлекшее за собой упадок Венеции и монархии османов. Во всей всемирной истории нет момента подобного этому: здесь сливались новые, могучие жизненные силы, наполняя человечество обновленной жизнью, разбивая тяготевшие на нем оковы династического политиканства и подымая его от банальных мещанских идеалов к сознанию мирового единства. Устаревшее учение греков о неподвижности земли разрушено навсегда Коперником.

Можно возмущаться бессильной и бессердечной Европой XV века, которая, погрязнув в мелочном эгоизме, не сумела вовремя подняться на общую борьбу против колосса турецкой монархии и спокойно смотрела на гибель Греции; но в XVI веке уж нельзя упрекать Запад в том, что он, считаясь с совершившимся фактом, примирился с падением Греции и почти совершенно забыл ее. Афины исчезли с горизонта Европы. Уже в 1493 году немецкий гуманист в своей хронике ограничился замечкой: «Город Афины был славнейшим в области Аттики. От него остались лишь немногие следы». Мы видели уже, что Шедель на рисунке изобразил Афины немецким городом.

Лаборд собрал разбросанные известия западных писателей о судьбах Афин в XVI веке и показал, как они скудны. Жан де Вега, бывший в 1537 году на Востоке с французским флотом, замечает в своих путевых записках, что в Порто Леоне, гавани афинской, он видел большого каменного льва; в самом городе он не был. У мыса Суниона он слышал от лодмана, что над колоннами храма здесь было некогда здание, где Аристотель преподавал философию, и что в Афинах тоже есть еще колонны, на которых стоял зал ареопага. Вильгельм Постель, посетивший между 1537